

ность парламентских заседаний. А вѣдъ кама отъ этого вышла знатная! Вообразите себѣ, напримеръ, что исходъ начатой кампаніи зависитъ отъ быстрого исполненія какого-нибудь стратегическаго плана, требующаго, само собою разумеется, полнѣйшей тайны. Что-же выйдетъ, если военный министр и вслѣдъ за нимъ главнокомандующій армією тогда лишь будутъ уполномочены дѣйствовать, когда планъ, по предварительному и публичному (для свѣдѣнія неприятеля!) обсужденію во всѣхъ его подробностяхъ, будетъ одобренъ и утвержденъ обѣими палатами? По одному этому примѣру такъ и бросается въ глаза неспособность парламентскаго доктринѣрства и конституціонныхъ фикцій, доведенныхъ до крайности нынѣшнимъ республиканскимъ большинствомъ французской палаты депутатовъ.

Судя по напечатанному наданяхъ въ иностранныхъ газетахъ разговору парижскаго корреспондента "Times" съ г-мъ Дюклеркь, глава новаго (и конечно кратковременнаго) французскаго министерства вполне сознаетъ невозможность управлять при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ поставлено правительство, благодаря партійнымъ страстямъ, соперничеству и борьбѣ парламентскихъ группъ и фракцій. Короче сказать, онъ съ негодованіемъ отвергаетъ, на будущее время, ту самую роль, которую (вынужденнымъ образомъ) играетъ въ настоящемъ. Приводимъ, въ сокращенномъ видѣ, нѣсколько выдержекъ изъ упомянутаго разговора.

Г. Дюклеркь приблизительно сказалъ корреспонденту газеты "Times": знаете-ли вы, почему я на этомъ мѣстѣ? Потому, что никто не хотѣлъ занять его, не скажу вамъ—изъ скромности-ли, или по другимъ причинамъ. Такъ-какъ министерскій кризисъ продлился и угрожалъ превратиться въ правительственный кризисъ, то видя, что президентъ очутится въ необходимости либо подать въ отставку, либо распустить палату, я пожертвовалъ собою и принялъ постъ главы министерства. Насъ называютъ вакаціоннымъ кабинетомъ (un cabinet de vacances). Нѣтъ, мы не вакаціонный кабинетъ или,

по крайней мѣрѣ, не считаемъ себѣ за таковой; доказательствомъ служить то, что мы готовимъ законопроектъ, которые намѣрены предложить палатамъ. Наши отношенія съ иностранными державами превосходны (?), однакожъ, я не ищу союза, потому что держусь политики, при которой союзъ лишни (т. е. политики бездѣйствія и воздержанія). Я не составилъ правительственной программы и не составилъ. Я пригрозилъ мѣрѣ, которая внесу въ парламентъ. Но я не намѣренъ вдаваться въ утомительную и раздражающую борьбу и не позволю опрокинуть себя изъ-за вопросовъ оскорбленнаго самолюбія. Я дамъ только одно парламентское сраженіе, все равно, будетъ-ли оно выиграно мною или проиграно. Я предложу палатамъ лишь такіа мѣры, которые считаю полезными и необходимыми для страны и для принятія которыхъ возможно будетъ образованъ большинство (?). Если-же палата отвергнетъ законы, которые я сочту долгомъ отстаивать до конца, или если она приметъ такіа мѣры, которыхъ я одобритъ не могу, я подамъ въ отставку, и тогда, по всей вѣроятности, последуетъ распушеніе палаты.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, политическая программа г. Дюклерка, заявившаго, что у него нѣтъ да и не будетъ "программы". Но въ чемъ-же заключается смыслъ длинной (хотя нами значительно сокращенной) рѣчи. А вотъ въ чемъ:

Французскій премьеръ заявляетъ, что онъ очутился премьеромъ (т. е. первымъ) потому лишь, что всѣ остальные государственные дѣятели отказались отъ этой чести, считая ее при теперешнихъ обстоятельствахъ самымъ послѣднимъ дѣломъ.—Да кому-же это было неизвестно?—Далѣе: г. Дюклеркь чувствуетъ себя обиженымъ тѣмъ, что всѣ смотрятъ на его кабинетъ какъ на "временно-канікулярный". — Затѣмъ оказывается, что главѣ французскаго министерства (онъ-жъ и министр иностранныхъ дѣлъ) никакихъ союзныхъ не нужно, по той причинѣ, что внѣшней политики у него нѣтъ да и быть не можетъ. И эта часть "конфиденціальной" деклараціи не

пуждалась въ словесныхъ доказательствахъ, такъ-какъ она какъ нельзя болѣе наглядно и рельефно доказана фактами, т. е. послѣдними событиями въ Египтѣ. Наконецъ, г. Дюклеркь заявляетъ, что онъ не намѣренъ навязывать свое министерство парламенту (хотя-бы и былъ намѣренъ, развѣ это въ его власти?), и что въ случаѣ непринятія палатою его предложеній онъ добровольно подаетъ въ отставку. (Читай: если палата меня опрокинетъ, то я, дескать, волей-неволей уйду и... arrêé moi le déluge, т. е. распушеніе). Словомъ, въ исповѣди корреспонденту "Times" г. Дюклеркь лишь повторилъ то, что мы говоримъ на этомъ-же мѣстѣ при первомъ телеграфическомъ извѣстіи о паденіи кабинета Фрейсина и министерскомъ кризисѣ во Франціи. Если-же г. Дюклеркь, кромѣ шутокъ, надѣется образованъ правительственное большинство при нынѣшнемъ составѣ палаты и, главное, при теперешнемъ положеніи какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлъ Франціи, то подобная иллюзія, пожалуй, дѣлаетъ честь его сердцу, но ужъ никакъ не его политической опытности и прозорливости.

ХРОНИКА.

Въ Шушѣ съ прошлаго 1881 года открыто, по просьбѣ шушинскаго общества, реальное училище, но при этомъ правительствомъ было обусловлено, что для существованія училища необходима поддержка города, вслѣдствіе чего повѣренные общества и обязались именемъ города вносить ежегодно 7,500 р. и дать помѣщеніе. Но отъ обязательства до его исполненія еще очень далеко: вопросъ о взносѣ денегъ до сихъ-поръ еще не разрѣшенъ: купеческій и ремесленный классы уклоняются отъ взноса, ссылаясь на то, что деньги должны платить лишь тѣ, чьи дѣти воспитываются въ училищѣ. Поговариваютъ даже, что Елисаветопольскій губернаторъ предлагаетъ въ виду такихъ затрудненій, перенести училище въ Александрополь или въ другое мѣсто. 25-го августа, по распоряженію уѣзднаго на-

чальника, было собрано городское общество для выясненія вопроса, который, впрочемъ, такъ и остался не выясненнымъ и кончился составленіемъ протокола о нѣкоемъ Гусейнѣ-Мирсия-оглы, будто-бы подстрекавшемъ сходить къ безпорядку, и передаче его мировому судѣ. Къ протоколу этому приложено и составленное жителями прошеніе къ Елисаветопольскому губернатору о закрытіи реального училища. Причины, по которымъ общество гор. Шуши хлопотаетъ о закрытіи училища, по мнѣнію корреспондента, сообщающаго намъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, довольно основательны. Цѣль общества, говоритъ онъ, при открытіи реального училища была—имѣть возможность воспитывать своихъ дѣтей дома, не отвращая ихъ въ даль, а между-тѣмъ большинство мальчиковъ, принятыхъ въ училище, принадлежатъ къ сельскому сословію, которое во взносѣ денегъ на содержаніе этого учебнаго заведенія никакого участія не принимаетъ. Многимъ изъ дѣтей горожанъ въ приемѣ отказано, будто-бы потому, что они не выдержали приемнаго экзамена. Затѣмъ мусульмане, по приговору, также должны платить установленный сборъ, а между-тѣмъ въ училищѣ ни одного мусульманина нѣтъ; дѣтей купцовъ принято всего три. Независимо отъ этого, есть и еще другая, довольно вѣская причина уклоненія общества отъ взноса установленнаго на реальное училище сбора: по приговору общества сборъ этотъ разложенъ лишь на городскія недвижимыя имущества, что представляется несправедливымъ. Обязанности еще и сборомъ на городскія надобности, недвижимыя имущества не выдерживаютъ двойной тяжести. Выходитъ часто, напр., такое обстоятельство: живетъ въ Шушѣ богатый бекъ, имѣющій большой капиталъ и недвижимое имущество въ уѣздѣ въ имѣніяхъ и садахъ, а въ городѣ всего лишь небольшой домикъ, и по раскладкѣ долженъ платить на училище всего нѣсколько рублей, а то и копеекъ, а рядомъ съ нимъ бѣднякъ, все имущество котораго состоитъ въ заложеномъ двухъ-этажномъ домѣ, хотя и оцѣненномъ въ дорогую цѣну, но не приносящемъ никакого дохода, долженъ платить на училище 40—50 р. Корреспондентъ нашъ полагаетъ, что если-бы была сдѣлана болѣе справедливая

раскладка, и притомъ совѣмъ на другихъ основаніяхъ, то вопросъ объ уклоненіи отъ платежа сбора и не возбуждался-бы.

Отъ себя-же мы не можемъ не замѣтить, что все дѣло въ настоящемъ случаѣ заключается въ неосудимости и поспѣшности приговора городского общества, которое было увлечено желаніемъ имѣть реальное училище, а между-тѣмъ не поразмыслило о послѣдствіяхъ и о справедливой раскладкѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не указать и на то, что разъ городъ обязывается поддерживать училище, то и предпочтеніе при приемѣ въ училище должно быть оказано дѣтямъ горожанъ. Весьма желательно, чтобы прискорбное недоразумѣніе это было устранено и чтобы существованіе Шушинскаго реального училища утвердилось на прочныхъ началахъ: у насъ и такъ слишкомъ мало училищъ, а тутъ вдругъ толкуютъ о закрытіи существующаго уже распадающагося образованія.

Изъ Озургетъ, отъ 9-го сентября, намъ пишутъ: Вчера, 8-го сентября, въ 11 часовъ утра, было торжественное открытіе Озургетскаго женскаго двухкласснаго училища, въ присутствіи военнаго губернатора Батумской области генерала Смѣкалова, многихъ мѣстныхъ князей и княгинь и достаточнаго количества горожанъ.

Несмотря на то, что не было вовремя дано знать родителямъ записавшихся еще въ іюль мѣсяцѣ настоящаго года въ училище этого училища дѣвочки, собралось, однако, до 30 ученицъ.

По прочтеніи г. инспекторомъ мѣстнаго городского училища относящихся къ открытію женскаго училища въ г. Озургетѣ бумагъ и по окончаніи молебствія, священникъ кадровой команды, Милоновъ, поздравилъ присутствовавшее общество съ такимъ отряднымъ явленіемъ, какое открытіе училища, и произнесъ рѣчь, въ которой, упомянувъ о томъ пренебреженіи, съ какимъ, къ сожалѣнію, относились у насъ до послѣдняго времени къ вопросу о женскомъ образованіи, выразилъ свое мнѣніе о необходимости для подрастающаго женскаго поколѣнія образованія, какъ единственнаго средства, дающаго возможность женщинамъ надлежащимъ образомъ исполнять обязанности матерей, привязанныхъ, по своему поло-

женію къ семьѣ, быть первымъ воспитателями и учителями своихъ дѣтей. Вслѣдъ за этимъ военный губернаторъ объявилъ училище открытымъ и пожелалъ обществу, чтобы это училище изъ настрадающагося преобразовалось въ недалекомъ будущемъ въ среднее учебное заведеніе, причемъ, обратясь къ присутствовавшимъ дамамъ, сказалъ, что поддержаніе и процвѣтаніе этого училища зависитъ отъ нихъ, и что онъ и впредь, въ взирая на какія препятствія, будутъ трудиться по мѣрѣ своихъ силъ для такоу благого дѣла.

Послѣ того ученицы были отпущены до слѣдующаго дня.

Многіе, имѣя въ виду то печальное явленіе, которое случилось у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, опасаясь того, что училище это не просуществуетъ долгое время. Дѣло въ томъ, что въ Озургетѣхъ еще въ 1874 году было открыто начальное женское училище, но по истеченіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе равнодушнаго отношенія къ нему нѣкоторыхъ лицъ изъ принимавшихъ въ началѣ участіе въ его открытіи, оно было закрыто, за неимѣніемъ средствъ для дальнѣйшаго его существованія. Но я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что на этотъ разъ ничего подобнаго не случится, въ виду сильнаго стремленія общества дать своимъ дочерямъ образованіе. Это видно изъ того, что сегодня, хотя только второй день какъ открыто это училище, собралось въ немъ болѣе 50 ученицъ, а также изъ того, что комитетъ въ настоящее время состоитъ изъ лицъ, которыя вполне сознаютъ потребность въ женской школѣ въ Озургетѣхъ и которыя не пожалѣютъ своихъ силъ и свободнаго времени для пользы общества, не говоря о томъ, что училище это обезпечено средствами на 2—3 года и что сборы добровольныхъ пожертвованій продолжаютъ.

Изъ урочища Джебраилъ намъ пишутъ, что продолжавшія съ 1-го по 8-е сентября проливные ежедневныя дожди, смѣнявшіе трехъ-мѣсячную засуху, причинили значительный вредъ окрестному населенію; сухіе овраги превратились въ значительныя и опасныя для переправы рѣки, нѣтъ ни одного дома, въ которомъ не было-бы сильной течи. Въ особенности бѣдствовали мѣстные чиновни-

ФЕЛЬЕТОНЪ „КАВКАЗА“.

19-го сентября 1882 года.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

III.

НАШЕ ЦИВИЛИЗІИ.

«De gustibus non disputandum»—говоритъ вѣчно юная пословица мертваго языка, передѣланная умомъ нашего народа въ болѣе вульгарную форму, съ упоминаніемъ объ арбузѣ и свиномъ хрюканіи; des choques des opinions jaillit la verité—делikatничаютъ вѣжливые французы, не принимая во вниманіе, что, при обилии самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на одинъ и тотъ-же предметъ, въ нихъ не только трудно добиться до истины, но даже за-частую доискаться смысла, а свѣдѣтельно, тѣмъ болѣе сдѣлать изъ всего этого какой-либо выводъ. Но ни въ чемъ не оказывается такое множество различныхъ отбѣнокъ проявленія личнаго вкуса, какъ при оцѣнкѣ эстетическихъ наслажденій, причемъ совершенно безразлично, относятся-ли они къ области зрѣнія или слуха. Степень подготовки въ художественномъ или музыкальномъ отношеніи, пристрастіе къ известному жанру музыки или живописи, личныя симпатіи и антипатіи, за-частую желаніе оригинальничать и выдѣляться изъ общаго уровня, душевное настроеніе данной минуты,—все это обстоятельство, создающія цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ оцѣнокъ одного и того-же предмета, ориентироваться среди которыхъ не представляется ни малѣйшей возможности. Какъ-бы ни были дикіи и оригинальныя взгляды отдѣльной личности на известное музыкальное произведеніе, можно быть смѣло увѣреннымъ, что въ средѣ многочисленной публики, осмѣлившейся громко высказать свою критическую оцѣнку всегда найдется себѣ сторонниковъ, и ужъ это одно сознаніе порождаетъ у многихъ же-

го Бога, распредѣляя таланты. Вотъ почему исполненіе Толстому роли Джильды доставляетъ мнѣ истинное наслажденіе, а пѣвн Павловской не производитъ на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія, вслѣдствіе чего Толстой я всегда буду аплодировать отъ души, а къ Павловской относиться безучастно». «Ну нѣтъ», возражаетъ одинъ изъ нашихъ передовыхъ музыкальныхъ дѣятелей, съ вашимъ мнѣніемъ трудно согласиться; приходи слушать оперу, я желаю, чтобы исполнители упорно дѣйствовали и на мой слухъ, и на мою впечатлительность, я требую отъ нихъ, чтобы музыкальная мысль и отдѣльныя фразы были бы мнѣ переданы со сцены такъ, какъ ихъ желаа изобразить самъ композиторъ, а подобную передачу можно лишь ожидать отъ пѣвницы опытной, посвятившей много лѣтъ своей жизни изученію музыки, спенческой дѣятельности и обработкѣ голосовыхъ средствъ. Павловская совмѣщаетъ въ себѣ всѣ эти данныя и я ее всегда буду слушать съ величайшимъ наслажденіемъ». «Кто хвалитъ Павловскую тотъ поступаетъ не честно», вмѣшивается въ разговоръ барыня известная своею рѣкостью и эксцентричностью, бросая свое ни на чемъ не основанное обвиненіе въ нечестности стороннику нашей примадонны и сопровождая фразу свирными взглядами, «а за то, что въ сегодня мало аплодировали, и буду шикать Павловской», обращается она къ военному, рядомъ стоящему съ разговаривавшими. Вотъ вамъ и справедливая оцѣнка исполненія, находящаяся вся въ зависимости отъ фантазіи одной личности, изъ-за личной антипатіи объявляющей за долго впередъ о своемъ намѣреніи выразить неодобреніе. Немного даѣе стоитъ другая группа, изъ которой выдѣляется фигура иностранца, облекшагося въ черкесскій костюмъ, и, не стѣняясь, громко заявляющаго слѣдующее: «Ну ужъ вы Толстому-то провалимъ, пускай побѣдится Питоевъ».

«Позвольте узнать, за что вы на-

мѣрены, какъ вы выражаетесь, «провалить» Толстому»—вѣжливо обращается Аполонъ судебного вѣдомства къ оратору.

«Какъ-же, представьте себѣ, когда въ прошлый сезонъ намъ ввалилась Декларъ и мы ее восторгалась, то Питоевъ ей шикалъ и въ своей газетѣ поднималъ на смѣхъ; теперь, по крайней мѣрѣ, выместимъ ему за прошлое».

«Но позвольте васъ спросить, причѣмъ-же тутъ Толстая и за что вы хотите ей, ничѣмъ не повинной, сдѣлать неприятіе? Нѣтъ, я убѣжденъ, что вы настолько порядочный человекъ, что не позволите себѣ обидѣть, ни за что, ни про что, молодую дѣвушку».

«Вы не хотите, чтобы мы шикали, желаете видѣть насъ аплодирующими», мѣняетъ тонъ иностранецъ, «прекрасно, можете быть спокойны, насъ тутъ нѣсколько человекъкъ одной компаніи, повѣрьте, что мы всѣ устроимъ ей сегодня-же овацію». И результатъ вмѣшательства одного сторонника не заставляя себя долго ждать и выражаясь бурными вызовами послѣ слѣдовавшаго за этимъ объясненіемъ дѣйствія.

Рядомъ стоитъ группа, сильно нападающая на слабость голоса все той-же Толстой и Пальниковъ, причѣмъ пожилой военный докторъ солидныхъ чиновъ съ паросомъ восклицаетъ: «Толды дѣло голосъ г-жи Эртель: сильный, могучій, чисто оперный».

Тифлисскій талантливый композиторъ, болѣе известный среди публики по имени, чѣмъ по фамилии, критикуетъ, что называется, «съ плеча» все и вся, что вовсе не идетъ къ его жованьей фигурѣ, отъ которой такъ и пышетъ здоровьемъ и довольствомъ.

Стоитъ лишь слегка прислушаться къ различнымъ громко высказываемымъ взглядамъ какъ на искусство такъ и на исполнителей, чтобы убѣдиться въ полной разнокальберности и варьанціи вкусовъ отдѣльныхъ личностей, въ совокупности составляющихъ контингентъ тифлисскаго публики, посѣщающей оперу. Среди полнаго хаоса взглядовъ и мнѣній, приходится орудовать музыкальнымъ рецензенту, имѣющему въ своихъ рукахъ мощную силу—печатъ. Неустойчивость въ массѣ общества критическаго взгляда, основаннаго не на специальномъ изученіи предмета, а лишь подчиняющагося капризамъ личнаго вкуса, ставить въ затруднительное положеніе лицъ завѣдующихъ отдѣломъ музыкальныхъ отчетовъ въ провинціальныхъ органахъ печати. Положеніе столичныхъ рецензентовъ въ этомъ отношеніи несравненно болѣе завидное, такъ-какъ тамъ этимъ дѣломъ занимаются специалисты, всегда имѣющие на своей сторонѣ болѣе или менѣе значительное число музыкально подготовленныхъ приверженцевъ, раздѣляющихъ ихъ взгляды и составляющихъ партіи, признающія безусловную непогрѣшимость ихъ главы. Партія-же сторонниковъ известнаго направленія дѣйствуютъ импонирующимъ образомъ на остальныхъ. Провинціальнымъ газетамъ не представляется возможности имѣть въ своемъ распоряженіи специалистовъ по музыкальной критикѣ вслѣдствіе двухъ главныхъ причинъ: 1) отсутствія публики (за весьма рѣдкимъ исключеніемъ), которая-бы охотно слѣдила за статьями спеціальнаго характера по этой отрасли искусства, и 2) полнаго отсутствія въ провинціи подобнаго рода специалистовъ, обыкновенно поселяющихся въ центрахъ, гдѣ сосредоточивается болѣе обильная пища для ихъ дѣятельности.

Рецензентъ провинціальной сцены долженъ быть выбираемъ изъ числа лицъ много видѣвшихъ и слышавшихъ на своемъ вѣку, имѣющихъ нѣкоторую опытность во владѣніи перомъ и установившіеся взгляды на музыку, причѣмъ долженъ быть твердымъ какъ гранитная скала въ своихъ убѣжденіяхъ, не уклоняясь ни на юту отъ разъ усвоеннаго себѣ взгляда на музыкальную оцѣнку и не обращая ни малѣйшаго вниманія на совѣты, а иногда даже инсинуаціи, которыми считаютъ своимъ долгомъ осмыслать его со всѣхъ сторонъ личности, случайно открывшія его трудно-сохраняемое инкогнито. Дѣйствительно, театральнаго ре-

цензента тормозить со всѣхъ сторонъ: тормозитъ его публика, въ тѣхъ случаяхъ, если ей взгляды расходятся съ высказанными печатно: «Какъ можно хвалить г-жу NN?»—укоризненно спрашиваютъ рецензента съ одной стороны. «Можно-ли такъ холодно отозваться о г-жѣ NN?»—терять его-же; немедленно вслѣдъ затѣмъ по поводу отзыва о томъ-же лицѣ: «я-бъ ее раскаталъ», грозитъ одинъ, «какая прелесть», ораторствуетъ другой, представляя крайніе взгляды на одинъ и тотъ-же предметъ; терять его нѣкоторые артисты и артистки, рѣдко знающіе въ себѣ недостатки, когда имъ указываютъ на промахи, замѣченные при исполненіи порученныхъ имъ ролей, наконецъ, и самъ антрепренеръ, если рецензіи не соответствуютъ его взглядамъ на дѣло, забывая, что какъ родителямъ трудно судить о своихъ сыновьяхъ и дочеряхъ, такъ и ему о своемъ дѣтищѣ. Насколько велики бываютъ претензіи нѣкоторыхъ исполнителей—можно судить по тому факту, что одна привязанъ пѣвица, несмотря на въ высшей степени благосклонный отзывъ о ней всѣхъ, какъ русскихъ такъ и туземныхъ, органовъ печати, даже не указавшихъ ни на одинъ присущій ей пѣвни недостатокъ, сочла своимъ долгомъ выработать всѣхъ мѣстныхъ рецензентовъ поголовно, въ присутствіи одного изъ нихъ, принимаясь за это милое занятіе въ нѣсколько приемовъ, и притомъ съ первыхъ-же словъ разговора, чѣмъ, очевидно, выказала умшленность своего поступка. И досталось-же бѣднымъ рецензентамъ на орѣхъ, по всей вѣроятности, за то, что никто не догадался юную исполнительницу-диллетантку назвать «восходящей звѣздой». Безпристрастное отношеніе къ искусству и его представителямъ должно быть главнымъ рычагомъ дѣятельности музыкальнаго рецензента, съ неподкупною совѣстью выбирающаго себѣ на пиць надпись «Quand mème», какъ рыцарскій девизъ, въ отвѣтъ на нападки и обвиненія.

Диллетантъ.

